

ОГНЕННЫЙ ДИРИЖЕР

Итак, начнем. Сначала Равель.

Дударова поднялась на дирижерский пульт, раскрыла партитуру. Замерли на мгновение распластанные над оркестром руки. Взмах — и полились звуки.

— Стоп! — стук дирижерской палочки прерывает игру. — Просту первый кларнет сыграть это пианиссимо.

Снова и снова оркестранты повторяют отдельные части «Болеро». Но Дударова недовольна. В чем дело? Ведь перед ней сидит гаванский государственный оркестр — лучший симфонический коллектив Кубы.

Недоумение рассеял импрессио.

— Maestro, — сказал он, — наши музыканты не привыкли «выкладываться» на репетициях. К тому же ртутный столбик показывает 40 градусов выше нуля.

Жара действительно была нестерпима. И Вероника Борисовна, несмотря на свое южное происхождение, нелегко перенесла ее. Но какое это отношение имеет к музыке?.. Первые же звуки отключают Дударову от окружающего. Кроме них, не существует ничего.

Она снова поднимает палочку. Малькают в фантастическом тапте руки. Щедрый дударовский жест необычайно эмоционален, выразителен, пластичен, грациозен и в то же время предельно точен. И этот жест, и взгляд, то поведующий, то негодующий, то подбадривающий, вдохновляющий, яркий темперамент дири-

жера заразили в конце концов оркестрантов. Они заиграли в полную силу.

— Теперь хорошо. Спасибо. — Дударова улыбается, становясь сразу милой, обаятельной, по-домашнему простой. Но лишь на минуту. Взлет рук, и за пультом снова дирижер, собранный, целеустремленный.

...Вечером в театре «Амадео

Вероника ДУДАРОВА.

Родан» — яблоку упасть негде. Концерты советского дирижера привлекли сюда не только знатоков и любителей музыки, но и попросту любопытных. Женщина за дирижерским пультом — явление необычное. Да и программа серьезнейшая — Шостакович, Равель.

Дударова очаровала гаванскую публику. Слушателей покорила ее яркий самобытный талант, полное слияние с музыкой, неподражаемая гармония жеста и звука. Даже сто-

ронники более сдержанной лаконичной манеры дирижирования не могли отрицать: именно этот жест помогает дирижеру достичь отработки мельчайших деталей в ритме, динамике, в передаче каждой музыкальной фразы.

С восторгом писали газеты о «ярком жизнеутверждающем искусстве советского дирижера, в совершенстве владеющего оркестром», о его «огненной и интеллектуальной интерпретации произведений».

Кто-то из журналистов так и назвал Дударову — огненный дирижер. И это определение очень точно отражает ее творческий облик. Темперамент, эмоциональность, страстность, экспрессия — вот особенность ее исполнительской манеры. Не академически точно воспроизводит она музыку по партитуре композитора, а «пропускает» произведение через себя, окрашивая его своим личным переживанием, утверждая через свое мироощущение. Для Дударовой это не чужая музыка — своя. В ней дирижер находит чувства, мысли, которые волнуют ее самое. За пультом Дударова — отрешенная, переживающая трудные и радостные минуты вдохновения — словно сама музыка. И о чем бы она ни рассказывала — о радости создания или трагической гибели, о счастье или страданиях, о борьбе добра и зла, — это всегда гимн жизни. Жизнь во всех ее проявлениях величайший дар — такова художественная позиция дирижера. И это свое восприятие мира дирижер передает через музыку. Врывается в сердца слушате-

лей, растревоживая их, вызывая сонм ощущений, дум, чувств.

Ради этого, собственно, и работает Дударова. Ведь музыка для нее прежде всего сила, способная окрылить людей, возбудить в них благородный порыв.

Этим стремлением проникнуть творческие поиски дирижера. Натура деятельная, активная, Вероника Борисовна не ждет, когда придет вдохновение. Постоянно думает, ищет, работает. И оттого, вероятно, всегда в творческой форме.

Даже произведения, часто исполняемые на концертных сценах, по радио и ставшие уже привычными, звучат под ее дирижерской палочкой свежо, волнующе. Тонкую поэтичность глинковского «Вальса-фантазии», например, или брызжущую радость, солнечность его увертюры к «Руслану и Людмиле» Дударова передает так, что заново открываешь для себя эту слышанную-переслышанную музыку. Она словно возвращает гениальным творениям их первоначальную прелесть.

Глубоко и точно раскрывая замысел композитора, Дударова умеет выявить разнообразие красок произведения, подчеркнуть нужные акценты. И вместе с тем читает партитуру бережно, вдумчиво, словно памятуя слова великого Берлиоза, сказавшего однажды, что больше всего на свете он боится дирижеров: ведь от них в значительной степени зависит, затронет ли музыка душевные струны слушателей или пройдет бесследно.

У Вероники Борисовны хранится блокнотный листок, исписанный скачущим почерком:

«Московскому государственному симфоническому оркестру. Дорогие друзья! Просту Вас принять мою сердечную благодарность за отличное исполнение моих произведений. Горячо желаю Вам и Вашему талантливому руководителю Веронике Борисовне Дударовой больших творческих успехов во славу советского музыкального искусства. Ваш Д. Шостакович».

Признание выдающегося композитора — что может быть выше! Оно ценно еще и потому, что мастерство дирижера складывается из многих компонентов: разносторонних знаний, широкой музыкальной культуры, тончайшего слуха, душевной тонкости и вкуса, ярко выраженной индивидуальности и волевого начала. Чтобы воплотить свой замысел, дирижер должен все время «держаться» музыкантов. Тут нужны и педагогический талант, умение повяты сидящего перед тобой человека с инструментом. Нагрузка на главу оркестра ложится невероятно тяжелой, в том числе и физическая.

Кавули те времена, когда дирижирование, возникшее, кстати сказать, немногим более ста лет назад, сводилось к отбиванию такта. Начало ему как искусству положил Вагнер. С тех пор оно прошло сложный творческий путь. Но профессия дирижера и по сей день считается привилегией мужчин. Хотя сама Вероника Борисовна думает, что здесь действует скорее «психологический

барьер», из-за которого женщины избегают принимать на дирижерский факультет.

Как же ей самой удалось проникнуть в святая святых?

...В квартире осетинского служащего Асламбека Дударова собрались гости.

— Ну как успехи юных музыкантов? — поинтересовался кто-то.

Две старшие дочери хозяина, не дожидаясь особых приглашений, сели за рояль.

— И я хочу играть, — решительно заявила, взбираясь на стул, четырехлетняя Малексима, младшая дочь Дударовых.

Никто не обратил на нее внимания, беседа продолжалась. Но вдруг из-под маленьких ручонков послышалась мелодия пьесы, которую только что играла одна из старших девочек. Гости оторопели. Малексима же, ободренная восторженными возгласами, встала в позу и, копируя известную певицу, запела: «Приди ко мне, мой милый друг...»

Раздавшийся взрыв смеха — картина была препотешной. Успокоившись, гости вновь поразились: как точно воспроизвела малышка цыганский романс! Несомненно, она наделена исключительным слухом.

Девочку отдали в Бакинскую музыкальную школу для одаренных детей. Из нее вышла бы отличная пианистка. Так считали и педагоги в училище при Ленинградском консерватории, куда затем поступила Малексима, вернее Вероника: при совершеннолетия ей дали это имя.

Занимаясь в училище, она работала то концертмейстером

одном из домов культуры Ленинграда, то пианисткой в кукольном театре. Но рояль девушке уже было недостаточно. Ее душа стремилась к чему-то большему. Звучание симфонического оркестра — вот что понастоящему пленяло ее. Неосознанное детское желание «играть на оркестре» превратилось во всепоглощающую страсть. Не закончив училища, Дударова уехала в Москву с мечтой поступить на дирижерский факультет консерватории.

И вот она перед экзаменационной комиссией.

— Почему вы хотите стать дирижером?

Рояль не устраивает. Не без оркестра.

Ваши любимые композиторы?

— Люблю все, что играю. В руках экзаменуемой дирижерская палочка. Вместо оркестра — два рояля. Исполняется симфония Моцарта соль минор. Вероника должна дирижировать.

Правая рука с палочкой регулирует темп, ритм. Левая показывает музыкальные оттенки произведения. Еще не отзвучала первая часть, а Вероника опустила руки.

— Они совсем не так играют, — в отчаянии проговорила она.

— А как бы вы сыграли?

Дударова напевает, помогая себе жестами выразить то, что чувствует в музыке.

Она уже открыла дверь в коридор, уверенная в своем провале, как вдруг услышала за спиной голос профессора Г. А. Столярова, декана дирижерского факультета:

— Дирижером вы будете!

...Чайковский и Бетховен, Глинка и Григ, Шостакович, Прокофьев, Рахманинов и Брамс... Концерты, конкурсы, гастроли. Урал и Прибалтика, Дальний Восток и Закавказье, ГДР, Польша, Куба... Аплодисменты, благодарность слушателей, всеобщее признание. Дударова получила звание народной артистки РСФСР и Удмуртской АССР, заслуженного деятеля искусств РСФСР и Северо-Осетинской АССР.

Жизнь музыканта такова, что люди видят обычно только ее праздничную сторону. Другая — полная напряженнейшего труда, мучительных поисков, сомнений, остается «за кадром». Получив диплом, Дударова по существу только начала серьезно учиться. Занятия у известных профессоров Лео Гинзбурга и Николая Аносова дали многое. Но студенческие годы Дударовой проходили в трудное военное время. В консерватории не было учебного оркестра. А разве можно стать хорошим профессионалом, не имея постоянной практики?

Мастерство пришло позже, когда выпускнице дирижерского факультета в 1946 году направил работать в Московский государственный оркестр. Но творческий поиск продолжается и по сей день. Вельзьяты вершины открывают путь к новым.

Сегодня у Вероники Борисовны свободный вечер. День, как обычно, был насыщен до крайности. Репетиция, запись на радио. Хорошо, что отменена работа по озвучива-

нию на «Мосфильме» (около сорока картин, в том числе «Сорок первый», «Дневные звезды», «Идиот», «Журавушка», «Шестое июля», озвучивал оркестр под управлением Дударовой). Потом поездка в Министерство культуры — надо наметить план гастролей. Наконец партийное собрание, после которого разговор «по душам» с молодым пополнением оркестра. Концерта нет, и можно побывать дома с мужем и сыном. Почитать. Пересмотреть гардероб. Как истинная женщина, Вероника Борисовна любит красивую одежду и умеет со вкусом одеться.

Но сначала надо разобрать почту — свежие газеты и журналы, письма. Их немало: с Камчатки и из Ижевска, где дирижер выступает на традиционном фестивале, посвященном П. И. Чайковскому, из Осетии.

А вот конверты с иностранными штемпелями. Одно от жителя Канады — Франка Мельцера. «Я прочитал о Вас, — пишет он, — в журнале «Корторев Нейборс». Горжусь Вами в Советским Союзом, страной, которая женщину сделала Человеком».

Из другого конверта вместе с письмом выпадает программа. С фотографий смотрит лицо женщины с вдумчивым, немного грустными глазами. Антония Брико, дирижер из Нидерландов, просит помочь советского коллегу устроить ей гастроль в нашей стране. Брико добилась невероятного — стала дирижером, но право выступать на Западе получить

не просто. Иногда, писала Брико, ей кажется, что все усилия напрасны. Каким чудом, спрашивала, удалось Дударовой получить оркестр.

Каким чудом... Вероника Борисовна откладывает письмо, задумывается. Привольный дар, труд. Но это еще не все, чтобы добиться успеха. Нужны благоприятные условия, нравственная атмосфера, способствующая развитию таланта. Психология мира, где живет Антония Брико, такова, что как сенсацию жеванцу-дирижеру он принять еще может — это выглядят даже любопытно. Но серьезно относиться — избави бог.

Что ж, родись и она, осетинка Малексима Дударова, двумя десятилетиями раньше, и с ней, вероятно, случилось бы то же, что с коллегой из Нидерландов. Недаром же зарубежные гости приходят в изумление, когда узнают, что Дударова не только концертирующий дирижер, но и художественный руководитель столичного оркестра.

Впрочем, не меньше она удивляется, узнав, что у Дударовой есть семья, широкий круг интересов: она часто бывает в театре, кино, любит почитать в повеселиться с друзьями. В часы отдыха ей нравится посылать за шитьем. Находит время и для других привязанностей — путешествовать, водить машину на большой скорости. Движение помогает «отключиться», развивает сосредоточенность, точность, быстроту реакции.

И еще одна страсть у Дударовой — книги. Она и в людях больше всего ценит тягу к познанию, к новому.

И уж совсем непонятно иностранным гостям, что Дударова занимается общественной работой. «Музыкант не должен растрачивать себя, — заявил ей один итальянский журналист. — Иначе он ничего не добьется».

Вероника Борисовна не стала объяснять ему, что участие во всех сферах жизни обогащает творческую личность, помогает глубже понимать, осмысливать действительность и затем полнее, многообразнее выражать ее в искусстве. Не стала потому, что видела: их разделяют не разные языки, на которых они говорят, но разное отношение к жизни, к искусству. Журналист никак не мог взять в толк, зачем Дударова стремится установить, помимо профессиональных, человеческие контакты с оркестрантами. «Истинный мастер, — говорил он, — пришел, продирижировал, ушел». Недоуменно пожал плечами, когда Вероника Борисовна сказала:

— Дирижер имеет дело не с клавишами, но с человеческими душами, сердцами. Ему нужно знать, о чем люди думают, что чувствуют. Без этого нет понимания, полного слияния с оркестром, не может быть и подлинного творческого успеха.

— Дирижерская палочка «тяжела», — шутит иногда Вероника Борисовна. Но пришедшим на концерт слушателям это не приходит в голову: стройная черноволосая женщина в строгом бархатном костюме легко поднимается за дирижерский пульт. Взлет ее рук — и в зале звучит волшебная музыка.